

Юйвэнь Цзюньань висел на Пэй Хэньюе и не слышал его разговора с Сяо Байлуном.

Он украдкой косил глаза на лицо Пэй Хэньюя и заметил, как на этом прекрасном, подобном нефриту лице сменилось несколько выражений, но тот даже не подумал обращать на него внимание. Воспользовавшись моментом, Юйвэнь Цзюньань еще немного потерялся о его грудь и мягко позвал:

— Император?

Пэй Хэньюй звал уже добрую минуту, но Сяо Байлун так и не появился. Поняв, что эта мелкая пакость определенно мстит ему за случай во Дворце Юэхуа, ему пришлось снять Юйвэнь Цзюньаня с дерева и с мрачным видом направиться к выходу из двора.

Заметив, что Пэй Хэньюй не прогоняет его, Юйвэнь Цзюньань след в след последовал за ним и тоже покинул Усадьбу Опадающей Луны, а уголки его губ невольно изогнулись в победной улыбке.

Поздний летний ветерок тихонько проносился мимо. На душе у Юйвэнь Цзюньаня было тепло и радостно: император Великой Шэн совсем не такой, каким описывала его старшая сестра, его оказалось довольно легко обвести вокруг пальца!

Огромная круглая луна одиноко висела посреди бескрайнего ночного неба, и серебристый лунный свет струился вниз, укутывая белые стены и черную черепицу по обе стороны улицы бледным, мертвенно-холодным инеем.

Дома, казавшиеся при дневном свете самыми обычными, сейчас походили на пожилых женщин, густо напудренных с ног до головы, и от каждого их уголка везло жутковатой таинственностью.

Вопреки ожиданиям Юйвэнь Цзюньаня, вместо оживления на улице не было ни души — кроме них троих.

Сквозь щели закрытых дверей не пробивалось ни единого огонька, и лишь над арыками перед домами мерцали крошечные точки светлячков.

Эти огоньки плавно кружили, словно упавшие на землю звезды, но в то же время излучали странное, зловещее очарование.

Сяо Байлун оказался прав, понял Пэй Хэньюй, останавливаясь на пустой, безмолвной улице. В этом Куньло что-то не так!

Его седые волосы были забраны в высокий хвост. На чистом и красивом лице Пэй Хэньюя не читалось никаких эмоций, и он холодным взглядом смотрел на Юйвэнь Цзюньаня.

Юйвэнь Цзюньань, впервые выбравшийся за пределы императорского дворца, не заметил и следа испытующего взгляда в глазах Пэй Хэньюя.

Маленький принц присел на корточки перед плотно закрытой деревянной дверью, выловил из воды покачивающийся фонарик-лотос и принялся рассматривать его со всей тщательностью, словно любуясь каким-то редчайшим сокровищем!

Слова упрека, уже вертевшиеся у Пэй Хэньюя на языке, сделали крутой вирот и сами сорвались с губ:

— Что ты там разглядываешь?

Юйвэнь Цзюньань с сияющей улыбкой протянул ланден в своей руке и жизнерадостно произнес:

— Император, смотрите, тут какие-то надписи! Кажется, написано: «Разлу...» — что-то там «Цзыцин»?

— А ну дай взглянуть мне! — Сяо Байлун внезапно выскочил наружу, прильнул к Светильнику Белого Лотоса и зачитал по слогам: — Кошмар... Расколотой... Души!

— Что... — Голос Сяо Байлуна резко взмыл вверх, переходя в визг: — Какой бессовестный негодяй написал Кошмар Расколотой Души?!

Пэй Хэньюй осторожно принял из рук Юйвэнь Цзюньаня Светильник Белого Лотоса и присмотрелся, скосив глаза.

Ланден был не больше ладони. Изящные лепестки в форме цветка лотоса были полураскрыты, защищая находившееся в центре масляное лучинку.

В масле плавал фитиль толщиной с травинку. На его кончике потрескивали искры, выхватывая из темноты несколько мелких иероглифов: Кошмар Расколотой Души, Чжан Цзыцин.

— Чжан Цзыцин, звучит как человеческое имя, — задумался Пэй Хэньюй. — А что значит Кошмар Расколотой Души?

Ань Мин никогда прежде не слышал этого названия. Молча стоя правой рукой за рукоятью меча на поясе, он бдительно следил за происходящим вокруг.

Юйвэнь Цзюньань тоже ничего не ответил. Он выловил из воды еще несколько фонариков и, пошарив вокруг, обнаружил, что на каждом из них красуются те же три иероглифа: Кошмар Расколотой Души.

Лишь Сяо Байлун пришло в ярость и принялось громко негодовать:

— Кошмар Расколотою Души — это самое жестокое проклятие во трех мирах! Это темное колдовство, при котором души умерших людей запечатывают в сосуд и приносят в жертву древним свирепым чудовищам!

Пэй Хэньюй, поддерживая ланден на ладони, нахмурился и спросил:

— Зачем приносить души в жертву древним свирепым чудовищам?

— Ради силы! — Сяо Байлун от злости закружилось волчком в воздухе. — Принести душу некоего Чжан Цзыцина в жертву древнему божественному зверю в обмен на силу! Но принесенные в жертву души лишаются права на колесо сансары и перерождение!

Юйвэнь Цзюньань и Ань Мин не слышали разговора между Сяо Байлуном и Пэй Хэньюем, они видели лишь то, как император погрузился в задумчивость, глядя на Светильник Белого Лотоса.

Пэй Хэньюй спросил:

— Что же тогда станет с душой Чжан Цзыцина? Ее сожрут?

— Конечно нет! — Сяо Байлун замотало головой так, что она превратилась в размытое пятно. — Это куда хуже, чем быть съеденным! Их заточат в чужих телах, и накопленная обида обратится злобой!

— Накопленная обида обратится злобой? — В голове Пэй Хэньюя блеснула догадка. — Сяо Байлун, скажи, возможно ли, что та зловещая энергия, которую мы видели в прошлой жизни, появилась вовсе не после моей смерти? Быть может, всё началось уже сейчас или даже раньше?

Рука Пэй Хэньюя, державшая Светильник Белого Лотоса, резко сжалась.

Души погибших людей не отправились в Подземный Мир, а были запечатаны среди смертных, постепенно напитываясь обидой и превращаясь в злобу? И спустя пять лет они вырвутся наружу все разом, закрывая солнце и небо и уничтожая все живое?

Неизвестно откуда приплыло облако и зависло в воздухе, наглухо заслонив луну. Белые стены и черная черепица в темной ночи утратили свои очертания, превратившись в припавших к земле гигантских чудовищ.

В арыке за стеной теснились друг к другу бесчисленные ланден, испуская точки слабого

света и словно невидимые цепи, безмолвно и мертвяще сжимая горло Кунью.

— Хруп!

Пэй Хэньюй швырнул фонарик на землю. Тот пару раз перекатился и замер на плитах синего камня.

Изящные миниатюрные лепестки лотоса не только не разбились — из них не пролилось ни единой капли масла!

Пэй Хэньюй отступил на полшага назад и приказал:

— Ань Мин, сруби его!

Ань Мин незаметно бросил взгляд на собственного императора, вытащил из ножен длинный меч и послушно обрушил его вниз.

— Бац!

Искры брызнули во все стороны. Ань Мин на мгновение остолбенел, наклонился, чтобы осмотреть предмет, но ланден остался абсолютно цел и невредим!

Не дожидаясь нового приказа Пэй Хэньюя, Ань Мин один за другим нанес еще несколько ударов.

— Бцх, бцх, бцх...

Вспыхивали искры, фонарик катался из стороны в сторону, на лезвии меча Ань Мина появилась зазубрина, но на самом ланден не осталось повреждений даже на самых тонких лепестках!

Юйвэнь Цзюньань посмотрел на ошеломленное выражение лица деревянного телохранителя, и в его чистых глазах мелькнуло удивление:

— Это благословенная священная утварь, освященная Святой Девой. Обычным оружием ее ни за что не уничтожить.

Святая Дева? Опять?!

Пэй Хэньюй почувствовал приступ головной боли. В прошлой жизни он ничего не слышал ни о какой Святой Деве, и теперь, после перерождения, сколько же еще сюрпризов приготовил для

него судья с черным лицом!

— Не стой столбом! — Сяо Байлун тоже никогда не слышало о Святой Деве и принялось подгонять его: — Спроси у Юйвэнь Цзюньяня, что это за Святая Дева такая.

— Кто такая Святая Дева? — спросил Пэй Хэньюй. — Она жрица Южного Чу?

— Святая Дева — не жрица! — В глазах Юйвэнь Цзюньяня плескалась чистая ясность, когда он поднялся и подошел ближе к Пэй Хэньюю. — Хотя Святая Дева Южного Чу тоже проводит ритуалы, самое главное ее предназначение — возглавлять Праздник Белого Лотоса.

Пэй Хэньюй кивнул, показывая, что слушает, и Юйвэнь Цзюньянь продолжил:

— Жители Южного Чу записывают имена ушедших из жизни родных на Светильниках Белого Лотоса и в день Праздника Белого Лотоса приносят их в Священный храм, чтобы Святая Дева испросила для них благословения.

Говоря об этом, Юйвэнь Цзюньянь слегка нахмурил изящные брови:

— Правда, старики во дворце рассказывают, что десяток с лишним лет назад Южный Чу пережил великое бедствие, обрушившееся в виде небесной кары. Тогда Святая Дева — Цзян Сюэсинь — ради спасения народа Южного Чу из огня и воды сама попросила отправить ее на Гору Святой Девы молиться о благополучии страны. Там она и оставила освященные ею Светильники Белого Лотоса, чтобы соплеменники могли совершать обряды памяти предков.

— Раз так, — Пэй Хэньюй указал на фонарик, — этот Кошмар Расколотою Души тоже написан Святой Девой?

Юйвэнь Цзюньянь покачал головой:

— Я слышал лишь, что имена пишут на Светильниках Белого Лотоса ради благословения, но никогда не слышал, чтобы на них были какие-то другие надписи.

— Он лжет! — Сяо Байлун яростно кружило над головой Юйвэнь Цзюньяня, пылая от гнева. — Цзян Сюэсинь вовсе не Святая Дева Южного Чу, она предательница народа у! Шестнадцать лет назад она попыталась насильственно пробудить кровь народа у, но потерпела неудачу, столкнувшись с обратной силой. Небесная кара низвергла ее в Ад Беспросветной Муки, так что она никак не могла оказаться на Горе Святой Девы и тем более молиться о чем-то благополучии!

Кто же из них лжет?

<http://bllate.org/book/21850/2266122>